

Украинизация на Украине: проблемы, трудности, противоречия (первая половина XX в.)

Как известно, территория Галиции с середины XIX века находилась в составе Австрийской и Австро-Венгерской (с 1867г) империи. Австрийские власти при поддержке польских магнатов всегда стремились отторгнуть исконно восточнославянские (русские как они сами себя называли) земли от России. Для этой цели в конце XIX века в Галиции под покровительством австрийских властей возник центр, ставивший своей целью доказать изначальную чуждость русского и украинского народов, их культуры, языка и даже правописания. Вовсю пропагандировалась идея создания единой Украины, но в нерушимом союзе с Австрией. А в 1893 году австрийским парламентом был утвержден и явочным порядком введен так называемый «украинский алфавит» на базе знаков фонетической транскрипции. В «новый украинский литературный язык» в огромном количестве вводились жаргонные слова польско-украинского мещанства Львова.

Но несмотря на все старания австрийских властей дискуссии между восточными и западноукраинскими филологами, историками и политиками продолжались. Эти дискуссии особенно обострились в начале XX века. Как известно из предыдущих публикаций автора западноукраинские представители называли свой, галицкий вариант литературного языка. К этому активно подключился и профессор М.Грушевский. Но, известно также, что еще в конце XIX века большой знаток украинских диалектов, автор четырехтомного «Словаря української мови» (1907-1909), который получил II Премию Петербургской Академии Наук, Борис Гринченко отстаивал восточно-славянский вариант украинского литературного языка, который будет понятен для жителей всех регионов Украины.

Восточноукраинский вариант литературного языка формировался на произведениях И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, Т. Шевченко и других писателей и поэтов. На основе киево-полтавского диалекта специфический галицкий диалект подвергался значительному влиянию как уже говорилось, со стороны польского, венгерского, немецкого и даже румынского языков.

В 1907-1913 годах к дискуссии относительно галицких элементов и украинского правописания присоединился Иван Нечуй-Левицкий. Он резко выступал против галицинизмов в украинском литературном языке, а о стараниях М. Грушевского он сказал следующее: «... він заповзявся нахрапом завести галицьку книжню мову й чудернацький правопис в українському письменстві й на Україні і зробить їх загальними і для Галичини, і для українців» [1, с.1].

Свои взгляды писатель изложил в статье: «Современный газетный язык на Украине» и брошюре «Кривое зеркало украинского языка». Он привел ряд конкретных примеров по заимствованию польских слов. Оказывается, даже такое казалось бы, украинское слово, как «рух», польского происхождения. А «новояз» Грушевского классик назвал «чертовщиной под якобы украинским соусом». При этом объяснил, что в основе таких замен лежит желание сделать новый литературный язык как можно более далеким от русского. «Получилось что-то и правда уж слишком далекое от русского, но вместе с тем оно вышло настолько же далеким от украинского», - написал Нечуй-Левицкий [2, с.2].

Во время дискуссии по правописанию некоторые западноукраинские филологи предлагали слова иностранного происхождения писать с буквой г «взрывное». Но против этого правописания уже самым решительным образом выступил профессор, известный украинофил (уроженец Житомирщины) Иван Огиенко. «Наша літературна традиція, - писал он, - по пам'ятках розпочинається з XI віку. І в цих старих наших пам'ятках переховується й певна відповідь, в якій саме формі вживати нам чужих слів... Скажімо, коли ми споконвіку все писали Амвросій, Ірина, ефір, то яка ж рація міняти ці споконвічні свої форми на латино-польські Амброзій, Ірена, етер? Коли ми ще з початку своєї літературної мови писали гігант, митрополит, Платон, то чому я тепер повинен на все махнути рукою й писати та вимовляти гігант, мітрополіт, Плятон?» [3, с.].

Эти жаркие дискуссии продолжались вплоть до Первой мировой войны.

Следует особо сказать, что в годы Первой мировой войны западноукраинские земли стали ареной трагических и кровавых событий, страшных злодеяний, которые творили австро-немецкие войска на этих землях по отношению к местному населению. Ужасы австро-немецкого террора на западноукраинских землях описал в своей статье «Украинизация Галичины» И.И. Терох (1880-1942), журналист, видный ученый-этнограф, композитор. В статье «Украинизация Галичины» он описывает события, которым был лично свидетелем; о многом ему также рассказывали очевидцы. Уже в самом начале войны австрийские власти арестовали почти всю русскую интеллигенцию Галиции и тысячи передовых крестьян, которые считали себя русами. Их вывезли в глубь Австрии в концентрационные лагеря, где несчастные мученики гибли тысячами от голода и тифа.

В отместку за свои неудачи на русском фронте отступающие австрийские войска убивали и вешали по деревьям тысячи галицких крестьян, которые называют себя русами. Австрийские солдаты носили в ранцах готовые петли и где попало — на деревьях, в хатах, в сараях, вешали крестьян, на которых доносили украинофилы. Как пишет автор, Галицкая Русь превратилась в исполинскую страшную Голгофу, поросла тысячами виселиц, на которых мученически погибали русские люди... [4, с. 3].

Один из австрийских офицеров впоследствии вспоминал о казни галицких крестьян: «Мы пришли на место, которое я буду помнить до конца

моей жизни. Чистое поле, на котором вокруг одинокого дерева топились солдаты. Тут же стояла группа офицеров. Насмешки и крики, вроде «русские собаки, изменники», посыпались по адресу ожидавших своей участи крестьян. Вид стариков, женщин с грудными детьми на руках и плачущих от страха, голода и усталости детей, цеплявшихся за одежду своих матерей, производил такое удручающее впечатление, что даже у одного из офицеров-немцев показались на глазах слезы. Стоявший рядом лейтенант спросил: «Что с тобой?» Тот ответил: «Ты думаешь, что эти люди виновны в чем-нибудь? Я уверен, что нет». Тогда лейтенант без малейшей заминки сказал: «Ведь это же русофилы, а их следовало бы еще до войны всех перевешать». Далее совершалась обычная казнь. Всех вешали через одну и ту же петлю, предварительно ударив жертву в подбородок и в лицо. Повешанного прокалывали штыком на глазах у матерей, жен и детей» [5, с. 316-317].

Эти зверства и мучения с иллюстрациями и точными описаниями увековечены в документах основанным после войны Галергофским Комитетом во Львове, издавшем их в нескольких томах.

Как утверждают исследователи, в результате этого кровавого террора более 60 тысяч человек было убито, сотни тысяч галичан стали узниками концлагерей и более 100 тысяч погибли в них. Сложно установить также число тех, кто при отступлении русской армии в 1915 году бежал в Россию. Тогдашняя пресса и русская и австрийская называли цифры от 100 до 400 тысяч человек. Оценки же историков разнятся от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек [6, с. 71]. Все эти люди оказались разбросанными по бескрайним просторам России, охваченной вскоре пожаром революции и гражданской войны. В современной Украине правда о чудовищном геноциде 1914 - 1917 годов замалчивается.

С крахом в 1918 году Австро-Венгрии, после кратковременного существования Западноукраинской народной республики (ЗУНР) Галиция оказалась насильно включенной в состав возрожденной Польши.

Новые хозяева первое время яростно полонизировали оккупированную территорию. Государственная пропаганда трубила, что Галиция - исконно польская земля, а не Русь или Украина. Но после прихода к власти в мае 1926 г. Ю. Пилсудского полонизация постепенно прекращается и начинается украинизация. Русские школы по-прежнему под запретом, но украинские пользуются полной поддержкой властей. Украинский язык начинает изучаться даже в польских школах Галиции, чиновники говорят о «польско-украинском братстве», направленном против России. Государство щедро финансирует украинские организации (хотя и не в таких размерах, как в австрийские времена). Аналогичные процессы происходили и на Буковине, отошедшей с 1918 года к Румынии.

Несколько по иному языковая ситуация сложилась в Закарпатье. С распадом Киевской Руси оно подверглась не польской, а венгерской агрессии, было включено в состав Венгрии и впоследствии вместе с ней вошло в состав Австро-Венгерской империи. Таким образом, жители Закарпатья избежали многовекового польского влияния.

Конечно, венгерские власти делали все возможное, чтобы местное население забыло о своем русском происхождении. Однако, в отличие от австрийских и польских властей, венгерские власти предпочитали не украинизировать, а превратить эту область в чисто венгерскую. Но после окончания Первой мировой войны Закарпатье было присоединено к Чехословакии. В чехословацких правящих кругах в начале не было единого мнения по вопросу национальной политики в Подкарпатской Руси (именно под таким названием Закарпатье присоединилось к Чехословакии). Первый премьер-министр считал украинское движение изобретением немцев и не скрывал своей враждебности к нему. Но президент страны Т. Масарик, ярый русофоб, поддерживал украинофильство, что и определило политику Праги.

Она была направлена на насаждение «украинской национальной идеи». Из госбюджета выделялись немалые средства на финансирование украинских организаций и пропаганду украинского языка. Иногда использовались и силовые методы. Но к массовым репрессиям власть все-таки не переходила, и население могло пользоваться относительной свободой.

Органы местного самоуправления в Ужгороде и Мукачево использовали в своей работе русский литературный язык. По-русски были написаны и вывески с названием улиц в закарпатских городах. Русский язык преобладал и в общественной жизни, а в системе образования, наблюдалось двуязычие. Двуязычие царило и в прессе. 14 закарпатских газет выходили на русском языке, 8 - на украинском.

После оккупации (накануне Второй мировой войны) Закарпатье венгерскими войсками новая власть стала поддерживать так называемое «руськое» направление, провозглашающее отделение местного «руського» языка как от русского, так и от украинского. «Великорусский литературный язык есть языком Москвы, в котором не имеется руських элементов... Так точно не имеет ничего общего руський язык с украинским, который образовался в Польше. Наши русины жили в Венгрии и не имели ни политической, ни культурной связи с великороссами или украинцами» - писал теоретик этого направления [6, с. 79]. Однако при этом «руськие» филологи использовали общерусский алфавит.

Процесс украинизации Закарпатье был завершен только после 1945 года и таким образом, вся Юго-Западная Русь оказалась украинизированной.

Рассмотрим теперь процессы, которые происходили на исконно малороссийских землях, то есть на территории Центральной и Юго-Восточной Украины.

После Февральской и Октябрьской революции 1917 года Центральная Рада во главе с М. Грушевским и ее Секретариат так же принялись активно украинизировать Малую Русь такими темпами, что вызывали нарекания даже со стороны своих единомышленников. Так, в Протесте против насильственной украинизации Южной Руси Совета Киевского университета, принятом на заседании Совета 26 июля 1917 года отмечалось: «Руководители украинского движения настаивают на введении в Украине особого государственного языка и притом такого, который бы не явился

продуктом органического развития, но искусственно создан с определенным и ясным расчетом на то, чтобы сделать его возможно менее похожим на общерусский язык. С этой целью в него включено множество слов и форм, чуждых не только великорусскому, но и малорусскому языку, что делает его мало понятным даже и для малорусского населения. Стремление к замене общерусского литературного языка в будущей Украине таким искусственно созданным и недостаточно еще разработанным языком грозит задержкою развития образованности того народа, который вынужден, будет им пользоваться» [6, с. 42]. Об этих же процессах упоминает и В. Винниченко в «Відродженні нації» [7, с. 259-260].

После установления Советской власти на Украине в соответствии с ленинским программным положением о праве нации на самоопределение было решено предоставить украинскому языку все условия и возможности для его свободного развития, оказать ему всемерную поддержку на государственном уровне. Уже 29 ноября 1919 года Пленум ЦК РКП(б) по инициативе В.И. Ленина принимает резолюцию «О Советской власти на Украине», которая затем была утверждена VIII Всероссийской партконференцией.

В ней частности, подчеркивалось: «Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т.д.) в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры» [8, с. 334]. В то же время Ленин предупреждал о националистических тенденциях в среде отсталой части украинских масс, которые появились в результате многовекового угнетения. Поэтому к таким настроениям члены РКП обязаны относиться «... с величайшей терпимостью и осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России» [8, с. 334-335].

Однако, при осуществлении этой политики на практике не удалось избежать перегибов, было совершено много ошибок и даже преступлений. Причины таких явлений можно свести к следующему. Во-первых, все эти решения принимались в крайне трудных, экстремальных условиях: жесточайшая гражданская война и военная интервенция, затем государственное строительство в условиях враждебного внешнего окружения и постоянной угрозы военного вторжения. Сложной также была и внутривнутриполитическая ситуация.

Во-вторых, следует признать, что большинство украинофилов и национально-сознательных государственных деятелей (как например, М. Грушевский) пошли на компромисс с Советской властью в обмен на уступки в языковом вопросе. В то же время противники украинства в большинстве своем придерживались правых убеждений и были непримиримыми противниками Советской власти. Кроме того, украинофилы считали себя пострадавшими от царского режима в национальном вопросе и новая революционная власть не хотела обижать страдальцев.

В-третьих, сказались также неопытность ряда руководителей нового государства, ведь все приходилось делать впервые. Немаловажную роль сыграли и личные качества отдельных деятелей, предпочитавших рубить с плеча (стереотип гражданской войны) в решении такого деликатного вопроса, как национальный и, в частности, языковой. Здесь требовалась длительная, кропотливая, терпеливая работа, к чему призывал и В.И. Ленин, и партийные и государственные кадры как в центре, так и на местах .

Поэтому проведение в жизнь идеи возрождения украинского языка и культуры в 1920-1922 гг. осуществлялось нелегко. В октябре 1921 года в еще не оправившейся от гражданской войны стране, в условиях голода и разрухи Советское правительство выделило 500 тысяч рублей золотом на печатание за границей украиноязычных учебников. Позднее по инициативе В.И. Ленина на эти цели было выделено еще 250 тысяч рублей [6, с. 49].

Членам партии вменялось в обязанность изучать украинский язык; украиноязычные коммунисты получали преимущество при назначении на ответственные посты. Украинизировалась пресса, делопроизводство, культпросветработа, число школ с преподаванием на украинском языке росло быстро и неуклонно. В то же время лидер украинских коммунистов Э.И. Квиринг предупреждал, что украинизация - это долговременный постепенный процесс, что необходимо подготовить кадры учителей, вырастить новое поколение вузовских преподавателей. В адрес чрезмерно «национально-сознательных» деятелей он заявлял: «Каждый шовинист-украинец будет вопить о принудительной русификации аж до того времени, пока останется хоть один профессор музыки или гистологии, который читает лекции на русском языке» [6, с. 54].

Весной 1925 года Э.И. Квиринга на посту генерального секретаря ЦК КП(б)У сменил Л.М. Каганович. Фигура Лазаря Моисеевича Кагановича до сих пор не находит всестороннего, объективного освещения в современной историографии. Сегодня ученые и публицисты предпочитают говорить лишь о его участии в репрессиях 30-х годов, о голодоморе, конфликте с М.С. Хрущевым, однако стоит более подробно проанализировать, на наш взгляд, его роль в деле украинизации и так называемой «коренизации» на Украине.

Став генеральным секретарем ЦК КП(б)У, Л.М. Каганович взялся за это дело со свойственной ему решительностью. Во-первых, всем служащим предприятий и учреждений, вплоть до уборщиц и дворников, было предписано перейти на украинский язык. Замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» немедленно увольнялись. Исключений не делалось даже для предприятий союзного подчинения.

Во-вторых, на украинский язык переводилось вся система образования - от начальной школы до технического вуза. Только на украинском языке разрешалось вести педагогическую и научно-исследовательскую работу.

В-третьих, административными методами украинизировались пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации.

Возглавив лично комиссию Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации, Л. Каганович осуществлял шумные кампании по форсированной

украинизации, широко используя административно-командный, приказной стиль. Этот казенно-бюрократический стиль Кагановича особенно проявился в такой сфере, как делопроизводство. Делопроизводство в государственных учреждениях, даже общесоюзного подчинения переводилось на украинский язык принудительно, под угрозой увольнения. Так, на протяжении 1925 года (до весны 1926 года) из 10 центральных наркоматов Украины было уволено 63 служащих за «небажання оволодіти українською мовою». А уже в мае 1926 года Политбюро ЦК КП(б)У констатировало, что делопроизводство в республике украинизировано на 65 процентов (против 20 процентов в начале 1925 года) [9, с. 255].

Ход украинизации тщательно контролировался сверху. Специальные комиссии регулярно проверяли государственные, общественные, кооперативные учреждения. Контролерам рекомендовалось обращать внимание не только на делопроизводство и на прием посетителей, но и на то, на каком языке работники общаются между собой.

И «рідна мова» не стояла на месте. Группа академиков ревизовала словари, снова и снова реформировалась грамматика. Стоит ли удивляться, что уже в 1928 году в Советской Украине было принято правописание по рекомендации западноукраинских филологов, правда в несколько дополненном виде.

Таким образом, неспешная, терпеливая и кропотливая работа в такой деликатной сфере как национальный вопрос и языковая политика под руководством Кагановича (и несомненно с ведома Сталина) подменялась политической трескотней, пустозвонством, форсированными кампанейскими мероприятиями.

«Революционное» рвение и формально-бюрократический подход к языковой проблеме со стороны ставленника Сталина - Кагановича вызывал недовольство даже среди его сторонников, искренних поклонников украинизации. Так, трения по этому вопросу между Кагановичем и наркомом просвещения А. Шумским очень скоро переросли в открытый конфликт, хотя оба они были ярыми сторонниками форсированной украинизации.

Далеко не во всем соглашался со Сталиным о путях и методах разрешения национального вопроса на Украине и сменивший Шумского в должности наркома просвещения УССР, один из соратников Ленина, академик Николай Скрипник.

Следует особо подчеркнуть, что в условиях свертывания Сталиным ленинской новой экономической политики и развернувшейся форсированной коллективизации украинизация стала той базой, на основе которой создавались мифические, виртуальные «националистические уклоны». Это дало возможность «выявить» огромную армию «украинских буржуазных националистов». В условиях искусственного нагнетания атмосферы подозрительности, недоверия, интриг, огульных обвинений интеллигенции и навешивание политических ярлыков создавалась социальная база для массового террора против интеллигенции. Так, в националистическом уклоне в 1927-28 году был обвинен, а впоследствии арестован и заслан в лагерь, где

он и погиб А. Шумской, арестован, отправлен в лагеря и расстрелян украинский ученый - историк М.Я. Яворский, покончил с собой писатель, противоречивый мечтатель и романтик революции Н.Хвылевой.

Такая же судьба постигла и видного партийного и государственного деятеля Н. Скрипника. В свое время он с самозабвением разоблачал «шумскизи», «яворщину», «хвылевизм». Но не выдержав мифических обвинений в «националуклонизме» и «покрывательстве» «вредителей» на «языковом фронте» в атмосфере моральной травли он покончил с собой в 1933 году. Своего апогея кампания террора достигает именно в 1933 году — в самый разгар страшного голода на Украине.

Жупелом «буржуазного национализма» размахивали в самые трудные для республики годы. Уже в феврале 1933 года началась чистка Наркомата просвещения УССР. Только на протяжении 1933 года из аппарата «вычистили» около 200 «националистов» и «враждебных элементов». В областных управлениях народного просвещения по политическим мотивам заменили 100% руководства, в районных - 90% [9, с. 313]. А в 1937-1938 гг (годы Большого террора) пали жертвой массовых репрессий П. Постышев, В.П. Затонский, В. Чубар, С.В. Косиор и другие борцы против «национализма».

Таким образом, с начала 30-х годов, особенно после так называемого «разоблачения национал-уклониста» Н. Скрипника насильственная украинизация прекращается и постепенно переходит в более цивилизованные формы. Но начинается обратный процесс поиска украинских буржуазных националистов и применение к ним репрессивных методов.

Однако, несмотря на все перегибы, трагические ошибки и преступления властных структур по отношению к духовной сфере и особенно, в языковом вопросе, новая украинская советская литература успешно развивалась (как и сфера культуры), несколько стабилизировалась украинское правописание. Так в реальной жизни советского общества в 30-40 годы самым причудливым образом переплетались трагедия и пафос, тайные преступления и невиданный энтузиазм масс.

1. Кравец А. Чув би це Тарас! // Киевский весник, 20 марта 2008.
2. Богун В. Зачем Украину превращают в «членкиню» // Рабочая газета, 29 марта 2008.
3. Український правопис. - Київ, Наукова думка, 1993 р.
4. Терох И. Украинизация Галичины // Донецкий кряж, 1995, №142.
5. Цит по: Платонов О. Россия перед вторым пришествием // Молодая гвардия. - 1996 - №7.
6. Красняков Е., Каревин А. Чертовщина под украинским соусом. -Горловка, 2002.
7. Винниченко В. Відродження нації: ч.2. -Київ, 1990.
8. Ленин В.И. Поли. Собр. Соч. - Т.39
9. Даниленко В.М., Касьянов Г.В. и др. Сталінізм на Україні 20-30-ті роки. - Київ, Либідь, 1991.